

— Гу Цзицин! Ты...

Чжоу Цыбай собирался лишь вернуться и спросить, есть ли у того особые пожелания к марке или аромату шампуня и геля для душа. Но, едва распахнув дверь, он так и застыл на пороге: его собственные боксеры висели прямо на кончике пальца Гу Цзицина.

Волна дикого, неопишемого стыда мгновенно накрыла его с головы до ног.

Обычно молниеносная реакция отказала, а мысли превратились в сплошной затор. Он лишь вцеплялся в дверную ручку с пылающими ушами, не в силах вытолкнуть из себя ни одного внятного обвинения.

Гу Цзицин же, будто ничего из ряда вон не произошло, слегка повел пальцем и невинно моргнул:

— Твои?

Его длинные изящные пальцы были обтянуты тонкими молочно-белыми латексными перчатками, что придавало образу странную строгость. Однако то, как небрежно он подцепил ими черный трикотаж, выглядело чертовски двусмысленно и даже провокационно.

Чжоу Цыбай не смел задержать взгляд ни на секунду дольше. Опасаясь, что тот выкинет еще что-нибудь эпатажное, он выхватил белье из рук жильца и в панике затолкнул его на самое дно таза для стирки, пытаясь погрести этот лоскут ткани под ворохом прочих вещей.

Ответ на вопрос напрашивался сам собой.

Кто бы мог подумать, что такой с виду холодный и неприступный парень способен так густо покраснеть из-за каких-то трусов.

«Похоже, с новым соседом будет проще наладить контакт, чем казалось», — мелькнуло в голове у Гу Цзицина, и губы его тронула едва заметная улыбка.

Только что спрятавший белье Чжоу Цыбай оборачивается — и тут же натывается на эту ухмылку. Лицо его мгновенно темнеет:

— Ты чего скалишься?

— Да так, ничего, — в глазах Гу Цзицина все еще плясали смешинки. — Просто подумал, что все складывается отлично.

Отлично?

Что именно «отлично»?!

Услышав эти слова, Чжоу Цыбай на мгновение опешил, а затем в его голове вспыхнула цепочка воспоминаний о произошедшем. Дыхание перехватило от возмущения, гнев хлынул к горлу.

Но не успел он высказать все, что думает, как снова встретил этот невинный, растерянный взгляд. Гу Цзицин смотрел на него, хлопками ресниц выражая полное недоумение, словно искренне не понимал, чем опять вызвал недовольство. И приготовленные тирады застряли в горле.

В итоге Чжоу Цыбаю пришлось проглотить рвущуюся наружу брань. Сжав зубы, он лишь бросил сквозь сквозящую ярость:

— Я за покупками, — и снова выскочил за дверь.

Гу Цзицин озадаченно изогнул бровь.

Он опять сказал что-то не то? Да вроде нет.

А вот двери в общежитии, надо признать, отличного качества — выдерживают такие удары.

Чжоу Цыбай стремительно слетел по лестнице и, только оказавшись на улице, смог глубоко перевести дух. Достав телефон, он быстро вбил в поисковик:

[Что значит, если гей посмотрел на трусы натурала и сказал «отлично»?]

Ответ не заставил себя ждать:

[Это значит, что он весьма доволен твоим габаритом.]

«...»

Блять.

Нецензурное слово все-таки вырвалось в мыслях.

Чжоу Цыбай прежде рассуждал так: даже если в его комнату поделят гея, пока тот не проявляет к нему симпатии и соблюдает границы, проблемы нет.

Но реальность оказалась далека от теории.

Разве станет нормальный парень — да хоть бы и гей, если только не делает это нарочно, — ни с того ни с сего заводить разговоры о том, как согнуть натурала? Разве станет он при первой же встрече ходить полураздетым, называть незнакомого человека «братишкой» или «милым» с такой двусмысленной интонацией?

И уж тем более никакой нормальный человек не станет без спросу трогать чужие трусы, а потом раздавать им комплименты!

В этот момент Чжоу Цыбай напрочь забыл о том, что Лу Пин и Чэнь Цзи после душа сплошь и рядом разгуливают в чем мать родила, сыплют подобными обращениями при любой просьбе, а их белье летает по всей комнате. В его голове пульсировало только одно слово: «Отлично».

Уши зажгло с новой силой.

Он не был нарциссом и не считал, будто каждый гей обязан в него влюбиться. Но все действия Гу Цзицина заставляли его чувствовать себя не в своей тарелке — тело охватывал лихорадочный жар.

Однако тот ведь не переступил черту открыто. Нельзя же, опираясь лишь на смутные подозрения, выйти и заявить: «Ты пытаешься меня согнуть!»

Пока он предавался этим мыслям, экран телефона подсветился уведомлением из Вэйсинь.

Чжоу Цыбай разблокировал дисплей — сообщение пришло из общего чата общежития.

****[Вскрикнешь, если увидишь несправедливость]**: **[@Четвёртый, я нарыл для тебя учебные материалы! Срочно читай!]****

Чжоу Цыбаю было не до учебы, и он уже хотел смахнуть чат, но тут же всплыло следующее сообщение:

****[Файл группы — Руководство идеального 0: как согнуть натурала]****

«...»

Короткая пауза.

Чжоу Цыбай все же открыл документ.

****[Пункт первый: Ни в коем случае не давай объекту понять, что ты пытаешься его совратить, иначе вызовешь отторжение. Если же он что-то заподозрил, немедленно найди убедительное оправдание.]****

Чжоу Цыбай, только что выслушавший оправдания Гу Цзицина: «...»

****[Пункт второй: Когда объект расслаблен, невзначай демонстрируй ему якобы случайные, но соблазнительные детали своего тела и наблюдай за реакцией (например: оголи лодыжку, икру или покажи шею, вытирая волосы полотенцем).]****

Чжоу Цыбай, который только что разглядывал шею Гу Цзицина: «...»

****[Пункт третий: Если второй пункт сработал, переходи к словесным флирт-провокациям. Похвали его фигуру или физические данные, продолжай следить за реакцией.]****

Чжоу Цыбай, чье белье только что оценили словом «отлично»: «...»

****[Пункт четвертый: Если на предыдущие шаги объект реагирует ярко, поздравляем — цель почти достигнута! (Панический побег или сильное отторжение — тоже положительный ответ, ведь гомофобия — это лишь латентность; настоящему натуралу будет абсолютно фиолетово). Теперь можно как бы случайно предложить телесный контакт, чтобы разжечь в нем физическое желание.]****

Чжоу Цыбай, только что позорно бежавший от Гу Цзицина: «...»

Что за бред собачий?!

«Гомофобия — это латентность»?

Неприятнь — это просто неприятнь, при чем тут латентность?!

На подобную дешевую ахинею из интернета клюнет разве что конченный идиот.

Первые три пункта казались имеющими смысл, но, дочитав до четвертого, Чжоу Цыбай окончательно убедился в абсурдности текста. С мрачным лицом он свернул файл и напечатал в чат:

****[□□□]**: **[Завязывайте майнить херню. Делайте дела и не страдайте страдашками. Гу Цзицин вас не съест.]****

Заблокировав экран, Чжоу Цыбай немного остыл.

И то верно. Гу Цзицин его не съест.

К тому же, если бы все эти вещи делали Лу Пин или Чэнь Цзи, это выглядело бы обычным дурачеством парней в общежитии.

И все же ощущалось это иначе.

Почему иначе — формулировать не получалось, но разница была разительной.

Раздражение снова подступило к горлу, и Чжоу Цыбай решил выбросить эти мысли из головы. Он направился в учебный супермаркет, купил Гу Цзицину два флакона — шампунь и гель для душа — и повернул назад.

В конце концов, влюбляться в мужчин он не собирался, испытывать к ним влечение — тем более. Пусть Гу Цзицин ведет себя как хочет. Пока тот не переходит красную черту, он потерпит.

Вернувшись и распахнув дверь, он увидел, как Гу Цзицин тянется на цыпочках, пытаясь закинуть двадцатисемидюймовый чемодан Римова на верхотуру шкафа.

Роста Гу Цзицин был не маленького — около ста восьмидесяти сантиметров, — но сложен чрезвычайно хрупко. Когда он поднял руки вверх, широкие рукава соскользнули, обнажив тонкие, белые как снег запястья. Казалось, надави чуть сильнее — и они переломятся.

Чемодан качнулся. Прежде чем разум успел отдать команду, Чжоу Цыбай в два широких шага оказался за спиной соседа и подставил ладонь, удерживая багаж.

Жаркое, разогретое движением дыхание молодого тела и едва уловимый аромат шалфея с морской солью мгновенно окутали Гу Цзицина.

Тот инстинктивно обернулся. Прядка волос скользнула по кончику носа Чжоу Цыбая, и прохладное, едва ощутимое прикосновение мимолетно задело уголок его губ.

Словно мягкий электрический разряд. Чжоу Цыбай обдало жаром, и он резко отшатнулся:

— Ты...

— Что такое?

Не дав ему договорить, Гу Цзицин поднял глаза. Изогнутые веки чуть приподнялись, открывая округлый разрез глаз, полных невинного, неосознанного замешательства.

Слова обвинения снова застряли у Чжоу Цыбая в глотке.

Опять.

Опять этот взгляд!

Каждый раз, стоит Гу Цзицину сделать или сказать что-то двусмысленное, он смотрит именно так, заставляя Чжоу Цыбая чувствовать себя последним пошляком, которому мерещится всякая дрянь.

Тем более сейчас он сам подскочил к нему. Гу Цзицин лишь естественным образом обернулся — обвинить его было абсолютно не в чем.

Сколько бы гнев и смущение ни кипели внутри, Чжоу Цыбаю оставалось лишь давиться ими. Он стоял на месте, сжимая кулаки и тяжело дыша. Наконец, поиграв желваками, он выцедил:

— В следующий раз, если надо закинуть тяжести, просто скажи.

Резко развернувшись, он зашел в ванную и с грохотом захлопнул дверь.

Вскоро оттуда донесся шум льющейся воды.

Гу Цзицин нахмурился, искренне не понимая происходящего.

«Почему этот парень так легко заливается краской и выходит из себя? Может, у него проблемы с сосудами или нервной системой? Стоит ли намекнуть ему на обследование?»

Впрочем, сходу лезть с такими советами было бы нетактично. Лучше дождаться подходящего момента.

К тому же за день он изрядно вымотался.

За окном окончательно стемнело. Батареи в комнате жарили вовсю, вытягивая из костей последние силы и нагоняя сонливость.

Разложив вещи, Гу Цзицин переоделся в шелковую пижаму и забрался на свою койку.

Его койка располагалась слева от входа, возле балкона, как раз по соседству с местом Чжоу Цыбая. А рядом с койкой Чжоу Цыбая находились выключатель и кулер с водой.

В прежней комнате Гу Цзицин спал как раз у стены с выключателем.

Благодаря мягкому характеру он никогда не раздражался, когда его просили выключить свет или набрать воды. Сменив место, он ощутил легкий дискомфорт.

На самом деле Гу Цзицин не любил перемены — ему всегда тяжело давался отказ от старых привычек. Но жизнь то и дело подбрасывала новые обстоятельства.

Так что привыкать к переменам тоже стало своеобразной привычкой, и мириться с этим было уже не так сложно.

Сквозь щель в шторах проникал бледный свет уличного фонаря. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь мерным шумом воды из ванной.

Гу Цзицин быстро погрузился в сон.

Внешне он казался болезненным и чахлым человеком, у которого должен быть чуткий сон, но на деле спал крепко. Правда, по ночам его мучили сны — бесконечные, вязкие, из которых никак не удавалось выпутаться. Просыпаясь, он порой долго сидел в прострации, пытаясь сообразить, кто он, где находится и какое сейчас время года.

И снилась ему всегда всякая муть.

Когда Гу Цзицин снова сквозь сон почувствовал дискомфорт, его тело горело, голова была тяжелой, а в горле пересохло.

Сморщившись, он сел на кровати. Разум еще не полностью вернулся из небытия; ощущая лишь лихорадочный жар от батарей, он на автомате сбросил пижамные штаны и с полузакрытыми глазами спустился по лестнице.

Набрав чашку холодной воды, он осушил ее в несколько жадных глотков, с задержкой поставил кружку на стол и по привычке полез наверх. Но, преодолев перекладины, не обнаружил под рукой одеяла.

«Куда делась постель?..»

Стоя на коленях на простыне, он шурился со сна и пытался наощупь найти край одеяла, как вдруг кто-то мертвой хваткой вцепился ему в лодыжку. Обжигающее, мощное рукопожатие сжало ногу с физически ощутимой силой.

Гу Цзицин замер. Кто это?

Он заторможенно поднял взгляд — и столкнулся с не менее ошарашенным взглядом Чжоу Цыбая, лежащего в глубине кровати.

Гу Цзицин непонимающе хлопнул ресницами.

Пальцы Чжоу Цыбая инстинктивно сжались еще сильнее.

Прямо перед ним, на его собственной койке, стоял на коленях человек. На нем была лишь распахнутая шелковая пижамная куртка. Прогнутая поясница подчеркивала округлую линию бедер, а две абсолютно голые, слепяще-белые ноги призрачно светились в скупых утренних лучах, пробивающихся сквозь шторы.

Каждая деталь этой картины дышала откровенным соблазном.

И при этом парень смотрел на него чистыми, невинными и совершенно растерянными глазами — точно не понимал, что натворил.

Лодыжка в руке ощущалась именно такой, какой Чжоу Цыбай ее и представлял: хрупкой, тонкой, легко умещающейся в ладони. словно изысканный фарфор, который хочется одновременно и беречь, и разбить.

А под легким шелковым одеялом в этот предрассветный час отчетливо обрисовался высокий, напряженный бугор.

В эту секунду в голове Чжоу Цыбая высветилась единственная строчка из инструкции:

«Пункт четвертый: как бы случайно предложи телесный контакт, чтобы разжечь в нем физическое желание».

Если разговоры о попытках согнуть натура — это недоразумение, если обнаженная шея — случайность, если убранные белье — помощь по доброте душевной, а прикосновение губ — просто конфуз... То как, блять, объяснить вот это?! Зачем он заявился полуголым прямо к нему в постель?!

Терпение Чжоу Цыбая лопнуло.

Заливаясь пунцовой краской, он со всей силы сжал изящную лодыжку Гу Цзицина и сквозь зубы, сдавленным от ярости голосом, выплюнул:

— Гу Цзицин. Меня. Не. Интересуют. Мужчины.

<http://bllate.org/book/20143/1992100>